

УДК 930.1

Б.М. Лепешко

д-р ист. наук, проф., проф. каф. философии
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail: borys_lepieszko@tut.by

РОЛЬ ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ: МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Рассматривается роль личности в истории как теоретическая проблема философии истории. На широком философско-историческом материале обосновывается тезис об отсутствии ясных и приемлемых критериев величия того или иного человека в истории, необходимости конвенции между теоретиками и практиками в этой части размышлений. Доказывается эффективность как рациональных, так и иррациональных средств познания в процессе исторического исследования и оценки при этом фактора личности.

Несколько предварительных замечаний по поводу предмета статьи. Первое: данная проблематика в советский период рассматривалась в единстве двух сторон темы: роль личности и народных масс в истории. Сегодня налицо своего рода смысловое «обрезание»: вторая часть проблематики отпала, стали говорить исключительно о личности. С одной стороны, понять такой подход можно: это своего рода протест (чаще всего стихийный) против марксистской методологии и философии истории, поскольку достаточно распространено представление о том, что «массы давили личность», нужно реабилитировать личность и т.д. С другой стороны, здесь не принимается во внимание очевидная констатация: «массы» и «личность» вовсе не случайная пара категорий, тем более связанная исключительно с политическим контекстом. Это категории такого же порядка, как единичное и общее, необходимость и случайность и иные. Т.е. речь идет о диалектике, рассмотрении проблемы в ее связи, неразрывности, противоречивом единстве. На наш взгляд, нужно вернуться к таким образом понимаемой проблеме: массы – это сегодня кто? В дальнейшем мы намерены вернуться к рассмотрению вопроса в заявленном контексте: толпа и массы, элита и массы, национальные массы.

Второе: требует уточнения термин «личность». Мы ведем речь о личности великой, заметной, личности вообще? А реакционная личность: она ведь тоже не лишена черт величия. Или вот, например, феномен Герострата: чтобы лишить его величия, было принято специальное решение не упоминать его имени нигде, чтобы он не достиг своей цели. И что в итоге? Герострат живет всех живых.

И третье: что такое метафизический аспект проблемы? Заметим, что разговор о роли личности в истории – вообще сплошная метафизика. Это ведь не методология истории, которая все же проходит в основном по ведомству исторической науки. Это философия истории со всеми вытекающими частностями. Но мы рассматриваем метафизику не только как парафраз философского толкования предмета. Мы обращаемся к предмету более широко: это и попытка выйти за пределы рационального толкования предмета. Т.е. речь пойдет и об иррациональных практиках. Это и широкий междисциплинарный контекст: не только исторический, философский, но и психологический, литературоведческий. Это и анализ ряда непривычных для исторического уха терминов, например, историческая судьба.

Поясним данный подход на примере ряда широко известных фактов, процессов. Вот как, например, известнейший философ Владимир Соловьев оценивал роль личности Петра Великого: «Я не могу назвать Петра I великим человеком не потому, что он недостаточно велик, а потому, что он недостаточно человек» [1, т. 5, с. 159]. Перед нами типичный пример той метафизики, о которой мы ведем речь: роль личности мыслитель

выводит за пределы реальных земных дел и показывает ее провиденциальный характер. Петр – фактически богочеловек по характеру совершенных деяний и их последствиям. Соловьев так и пишет: «Промысел Божий, несомненно, распоряжается своевременным порождением необходимых для ее целей провиденциальных людей» [1, т. 7, с. 10]. Но промысел Божий – категория не рациональная.

А вот еще пример. 1 марта 1881 г. народовольцы убивают монарха, и Соловьев, тогда профессор женских высших Бестужевских курсов в Санкт-Петербурге, с трибуны аудитории заявил, что новый монарх должен простить убийц своего отца. Помиловать цареубийц необходимо из соображений высокой христианской морали. Только тот царь может претендовать на статус великого руководителя, который может простить убийц из высших этических соображений. Обер-прокурор Святейшего Синода профессор Победоносцев по этому поводу пишет Александру III, что «Соловьев – сумасшедший», и добавляет: «Этого быть не может, чтобы вы перед лицом всего народа русского в такую минуту простили убийц отца вашего, русского государя, за кровь которого вся земля (кроме немногих, ослабевших умом и сердцем) требует отмщения» [2, с. 38]. Обратим внимание, что критерием величия является следование христианским этическим заповедям, причем последовательное следование, невзирая на предмет разговора.

Здесь напрашивается параллель между позицией К.П. Победоносцева, главы духовного ведомства, и Н. Карамзина, писателя, историка, двух лиц высокой личной совестливости, которые требовали убийства известных преступников. Карамзин – декабристов, Победоносцев – народовольцев. Та нравственная планка, которую ставил Соловьев, оказалась для этих деятелей вторичной по отношению к величию статуса монарха, в целом монархическому принципу. Критерий величия далекий от нравственных заповедей, охранительный принцип становится определяющим. К слову, это касается, как очевидно, не только монархического принципа, но и иных подходов, связанных либо с идеологией, либо с национальным интересом.

И последний пример из этого ряда. Всем памятен выстрел Веры Засулич в петербургского губернатора Трепова. Генерал еле выжил, стал калекой, ушел со службы. Причины покушения были связаны с тем чувством негодования, которое посетил В. Засулич по поводу приказа губернатора высечь розгами студента, не снявшего перед чиновником шапку. Дальше суд, и присяжные стрелявшую оправдали. Вел процесс А.Ф. Кони, защищали ее выдающиеся адвокаты той поры. Общественное мнение было на стороне подсудимой, и она была оправдана. Ликующая толпа вынесла ее из зала суда на руках: свершилось великое событие, перед нами великий деятель освободительного движения, словом, идеалы, братство, справедливость и т.д. Это с одной стороны. С другой стороны, многие полагают до сих пор, что это событие знаменовало начало движения страны к 1917 году.

Что объединяет приведенные примеры? То, что о великой личности сложно говорить объективно, беспристрастно, статус личности определяют самые различные факторы (экономическая, политическая ситуация, «параллелограмм» общественных настроений и т.д.). То, что критерии величия строго не определены и каждый раз они, критерии, могут быть различными. То, что на первом плане могут быть характеристики рационального порядка, но могут быть и факторы иррационального характера, о чем мы будем ниже говорить. И все же: какие некоторые основные подходы можно наметить при обращении к концептуальной стороне проблемы? Т.е. какие критерии величия выдвигаются на первый план и как они, эти критерии, «работают» при обращении к рассмотрению конкретных исторических персонажей? Очевидно, что мы обратимся только к важнейшим из этих критериев. И начать, очевидно, надо с марксистского подхода (для большинства исследователей привычного), апробированного за достаточно длительное время.

Как писал выдающийся теоретик марксизма Г.В. Плеханов в известной статье «К вопросу о роли личности в истории», «влиятельные личности, благодаря особенностям своего ума и характера, могут изменить индивидуальную физиономию событий и некоторые частные их последствия, но они не могут изменить их общее направление, которое определяется другими силами» [3, с. 326]. Здесь следует известный пример о роли Наполеона Бонапарта во время итальянских походов. «То, что сделал Наполеон в итальянских и иных походах, мог бы сделать и другой генерал, – пишет Плеханов. – Они не одержали бы, возможно, таких блестящих побед, но французская республика вышла бы победительницей из этих столкновений» [3, с. 325]. Весь вопрос в общественных условиях, благодаря которым великая личность может стать таковой. Великие люди появляются вовсе не потому, что их приход обусловлен провиденциальными силами, марксизму такой подход был чужд в принципе. Есть некий объективный порог между возможностью и действительностью, и перешагнуть его может лишь тот человек, который действует в соответствии с магистральной линией развития общественных отношений. Отсюда и элемент случайности, который может иметь место в ходе того или иного развития событий. Но принципиально этот элемент случайности ничего не меняет.

Попутно заметим, что многие из этих положений сегодня воспринимаются критично. Это связано с иным пониманием роли субъекта в историческом процессе, несогласием с тем, что детерминизм данного порядка не дает личности возможностей для проявления «неконтролируемых» действий, упреками в том, что собственно «общественные отношения» наделяются особыми полномочиями. Но если это так, то чем они в это случае отличаются от провиденциальных решений? Вот Е. Тарле пишет книжку «Наполеон» и во введении к работе замечает: «Я пытался совершенно объективно подойти к этой сложной и многообразной фигуре и интересовался не только мотивацией его поступков, сколько их историческим значением. Наполеон, далее замечает выдающийся историк, это “явление природы” и “меня интересовал тут именно с точки зрения того, как выполнил он свою историческую роль”» [4, с. 8]. Заметим, что ученый не говорит прямо об «общественных отношениях», что Наполеон «встроен» в систему отношений экономического, политического порядка, не выпячивает прямых взаимосвязей между сложившимися отношениями в обществе и появлением великого человека. Обращает на себя внимание оценка великого человека как «явления природы» – ведь это, по сути, посыл объективистского порядка. Но сегодня, очевидно, могли последовать вопросы в части понимания термина «объективность», и кто мог бы сформулировать «историческую роль» для самого Наполеона и т.д. Впрочем, эти замечания уже из иной эпохи и вряд могут быть приемлемы. Таким образом, классический марксизм и, в определенной степени, позитивизм утверждают, что личность тогда велика, когда действует в соответствии с прогрессивным ходом истории (в основе формационная теория или теория стадий – метафизическая, позитивная и т.д.). Весь вопрос в том, как определить этот прогрессивный ход. Нынче этот подход приобрел ярко выраженный национальный контекст: та личность является великой, которая реализует крупнейшие общенациональные, прежде всего, задачи. И развитие нации (национального государства) является критерием величия. Смысл марксизма нами усвоен: личность – случайна и может проявить свои возможности только в рамках определенных общественных отношений.

Обратимся к иному подходу. Вот Э. Людвиг пишет книжку «Бисмарк». Методология здесь обусловлена приоритетом психологических мотивов в деятельности крупных личностей. Два показательных примера. Скажем, эпизод конца франко-прусской войны. Идет спор среди пруссаков относительно того, надо ли входить войскам в покоренный Париж. Долгий спор. Бисмарк против, а генералы и император желают реализовать право победителей. Заканчивается дискуссия тем, что Бисмарк падает на пол,

бьется в истерику и закликает не входить в Париж. Генералы на цыпочках удаляются, канцлер в итоге победил.

А вот второй эпизод. Бисмарк в деревне на отдыхе и пишет жене: «Я лежу на траве, читаю стихи и жду, пока поспеют вишни» [5, с. 89]. Если сопоставить эту фразу с известными оценками, вроде «грубый пруссак», «железный канцлер», стремление решать вопросы «железом и кровью», то легко замечается несоответствие. «Железный» и стихи, вишни – это как понимать? Получается, что величие не одномерно, характеристики величия не универсальны, но они легко объяснимы с точки зрения психологического развития личности. И здесь будут присутствовать оценки детского периода, роль семьи, родителей, особенности психического развития на разных этапах, родовые болезни и многое иное. Налицо приоритет динамики над статикой, текучесть событий и факты личной жизни становятся альфой и омегой исторического контекста, и вовсе не сам контекст эпохи играет здесь главную роль.

Кстати, Э. Людвиг называет Бисмарка великим учеником Макиавелли, великим прагматиком. Мы не будем останавливаться на этом акценте, это элемент новой темы разговора, лишь кратко упомянем вот о чем. Фигура Н. Макиавелли здесь возникает не случайно, как и его известная мысль о том, что «цель оправдывает средства». Если обратиться, например, к современной истории России и фигуре И. Сталина, то возникает вопрос такого порядка: почему генералиссимус фактически возглавляет и сегодня все национальные рейтинги самых великих и влиятельных фигур в истории? Один из ответов дает формула флорентийского мудреца. То есть люди все прощают Сталину за его вклад в победу в Великой Отечественной войне.

Если обратимся к современным методологическим новациям (междисциплинарный подход, различные интегративные теории, феноменология и др.), то несложно заметить: для большинства историков они являются открытой книгой. Если, например, в праве мы можем говорить о появлении новых теорий, связанных с использованием достижений различных наук в последние десятилетия, то до исторической науки эти тенденции в концептуальном плане не дошли. Пример из сферы юриспруденции – феноменолого-коммуникативная теория права А.В. Полякова, профессора из Санкт-Петербурга. Интересующихся адресую к его работам, в частности «Общей теории права», и работам исследователей, обратившихся к этой теме [6]. Конспективно заметим (поскольку тема требует подробного анализа), что применительно к истории феноменология проявляется в трех основных аспектах: поиски сущности (эйдоса) исторического, выявление чистой сущности истории; интегративный подход; разработка вариантов эпистемологии, связанных с теорией истины.

Вообще попробуйте внятно объяснить механизм исторического дискурса на основе новейших теорий, главное, способы и формы его применения в практической деятельности историка – возникнут проблемы. Одна из немногих попыток решить эту сложную задачу принадлежит В.Н. Сидорцову и В.А. Латышевой [7]. Достаточно смело было заявлено, что авторы понимают историческую синергетику не просто как некий новый метод в исторической науке. «Историческая синергетика – это подход, теория и методы, модель для решения исследовательских задач в области историографии, требующего своего, необычного мышления» [7, с. 3]. Но специфика «необычного мышления» не разъяснена. Нужно вместе с тем отметить, что в центре внимания исследователей народ. Говорится и о роли личности в истории (глава 5 работы), однако понять, в чем суть нового синергетического подхода к этой философско-исторической проблеме, достаточно сложно.

Вместе с тем есть, на наш взгляд, очевидная заслуга ученых, работающих в области современных методологических поисков, концептуальных исканий, связанных с постмодернистскими теоретическими усилиями. На этой особенности стоит остано-

виться подробнее, так как она не находится в центре внимания. Это придание эвристического значения новым терминам и вовлечение в оборот таких теоретических конструкций, которые позволяют по-новому ставить и раскрывать важные темы. Чтобы быть более понятным, обратимся к некоторым теориям, категориям. И вначале хотелось бы обратить внимание на единство рациональных и иррациональных факторов при осмыслении феномена личности в истории. Заметим, что границы между рациональным и иррациональным вообще чрезвычайно размыты, смутны, неясны. Рациональное может быть иррациональным и наоборот. Примеров можно приводить несметное количество – из биографий героев и причин войн и революций, логики поступков и алогичности деяний. Чувствуя проблематичность бытия, не сумев объяснить происходящее с собой (родиной, страной, классом), человек стремится либо к рациональному объяснению, чтобы разложить все по понятным и ясным полочкам, классифицировать и типологизировать, либо же ищет некие потусторонние силы, ищет объяснений на метафизической стороне. Но на деле это единый процесс. Чтобы убедиться в этом, обратим внимание на то, как Н.А. Бердяев рассуждает о категории «историческая судьба».

Вот мыслитель пишет работу «Судьба России», изданную в 1918 году [8]. Автор анализирует вполне рационалистически очень конкретные и актуальные проблемы. Никакой мистики и никакого пророчества. Более того, говорит и об аксиологии, и о важности изменения точки зрения исследователя применительно к изменяющимся историческим реалиям. И вместе с тем все время акцентирует внимание на теме судьбы (в частности). В работе говорится не только о «судьбе России», отдельная глава посвящена и «судьбе Парижа», судьбам иных исторических персонажей. В каком смысле ведется речь о судьбе? В том числе и мистическом, «темном», «вечном». Т.е. у города, страны есть «судьба». Вот Россия – она «непостижима для ума и не измерима никакими аршинами доктрин и учений», но найти разгадку ее существования можно, указав на «антиномичность ее истории», т.е. противоречивость, парадоксальность. А вот Париж – общемировой город, в котором чувствуется «усталость от собственной истории». Великие люди в этом контексте несут тот же смысл: здесь не только рациональная связь причин и явлений, но и непонятное, «темнота», которая касается и их появления, и их собственной судьбы.

И ведь очевидно, что эти констатации в полной мере касаются и национальной, белорусской истории. Очень конспективно, в назывном порядке их достаточно обозначить для того, чтобы понять: «темное» в нашей национальной истории столь велико и не объяснено, что исследователям не одного из последующих поколений придется ломать голову над проблемами. Например, такого порядка: почему у нас пишут многочисленные книги о «выходцах» из Беларуси, известных людях, прославившихся за пределами страны, но нет ни одной книги о тех, кто составил себе имя, приехав к нам? Хотя здесь есть предмет для размышлений, и это прежде всего выходцы из России, которые приехали к нам и в 30-е гг. прошлого века, и после войны, кто остался здесь после известных решений союзного правительства и кто внес заметный вклад в общее национальное дело. Почему – если брать более широкий контекст – мы толерантны до такой степени, что эта пресловутая толерантность распространяется и на другие сферы духа? Скажем, в качестве одного из основных «догматов» национального геополитического контекста выступает термин «промежуточность» (мы «промежуточны» между Западом и Востоком, конфессиями и т.д.). Но не кажется ли, что толерантность и промежуточность – явления одного порядка, и они многое объясняют и в нашей политике, и в практической деятельности? Почему мы вообще сохранились в истории, несмотря на то, что нас «гнобили» всеми доступными средствами и на всех направлениях? Словом, вопросов много и сказать, что на все из них существуют исчерпывающие ответы рациональ-

ного порядка, значит обманывать самих себя. Как говорил В. Розанов, «бездонность небес пока еще никто не отменял».

И некоторые выводы из сказанного. Первый: слово «философия» – существенный предикат по отношению к нашей теме. Ведь «роль личности в истории» – это проблематика философии истории, а не методологии истории. Но предикат «философский» означает, что абсолютных, универсальных, системных доктрин по поводу понимания сущности осмысления данного вопроса нет и быть не может. Есть только варианты. Пример с марксизмом: пока эта доктрина выглядела убедительной, понимание специфики личности в истории было таким же. Как только изменилось отношение к фундаментальным категориям (базис, надстройка), видоизменилось и содержание проблемы.

Второй: любая разработанная теоретическая концепция философского плана может стать основой особого понимания роли личности в истории. Дело в ином: многие теоретики просто считали данную проблему не основной, сосредотачиваясь на эпистемологии, теории познания и иных вопросах. Типичный пример – феноменология, которую нынче «додумывают», но не слишком плодотворно по отношению к предмету нашего разговора.

Третий: надо расширять познавательные границы, включая и иррациональные факторы; здесь, полагаю, постмодернисты правы. Возьмем известный слоган польской, да и европейской историографии – «чудо на Висле». Мы можем назвать причины поражения Красной армии в 1920 г., но ведь многие соглашались: произошло чудо. А то, что многие полагают, что разгром немцев под Москвой зимой 1941 г. тоже чудо, разве случайно?

В этой связи констатируем, что ясной, общепризнанной концепции, связанной с пониманием роли личности в истории, нет. Есть варианты. Спасти ситуацию может приращение знания, прежде всего теоретического, и последующая конвенция между историками.

Надо учитывать и то, что называют «современной ситуацией». Мы переживаем период, который можно охарактеризовать словом «хаос». Хаос в международном праве, в политике, экономических отношениях. Рушатся вековые союзы, политики непредсказуемы в своих действиях. Когда-то следствием подобного состояния была война, судя по всему, сегодня нужны особые усилия, чтобы предотвратить ее. Причем здесь роль личности? Так ведь и эта роль выглядит хаотически, поскольку история действительно «очень человеческая наука», как говорил Ф. Ницше. Личности тяжело «встроиться» в хаос, она может либо создать «упорядоченный хаос», новый хаос, либо стать элементом имеющегося хаоса. Но в любом случае проявиться в полной мере личность не может. Разве случайно, к примеру, ушла прочь плеяда великих политиков XX в. (Рузвельт, Сталин, Черчилль, де Голль)? И дело тут не во времени: нынче политиков такого масштаба нет. Речь о другом: эпоха на первое место выдвинула борьбу не между личностями, а между транснациональными корпорациями и национальными государствами. Впрочем, это уж другая тема.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Соловьев, В. С. Собрание сочинений : в 10 т. / В. С. Соловьев. – СПб. : Книгоизд. т-во «Просвещение», 1911–1914. – 10 т.
2. К. П. Победоносцев и его корреспонденты : переписка : в 2 т. – Минск : Харвест, 2003. – Т. 1. – 448 с.
3. Плеханов, Г. В. Избранные философские произведения : в 5 т. / Г. В. Плеханов. – М. : Госполитиздат, 1956–1958. – Т. 2. – 1956. – 824 с.
4. Тарле, Е. В. Наполеон / Е. В. Тарле. – Минск : Беларусь, 1992. – 429 с.

5. Людвиг, Э. Бисмарк / Э. Людвиг. – М. : Захаров : АСТ, 1999. – 480 с.
6. Лепешко, А. Б. Коммуникативный подход к совершенствованию национального законодательства / А. Б. Лепешко. – Брест : Альтернатива, 2016. – 184 с.
7. Сидорцов, В. Н. Народ во Второй мировой и Великой Отечественной войне: синергетический взгляд на историю / В. Н. Сидорцов, В. А. Латышева. – СПб. : Образование – культура, 2005. – 142 с.
8. Бердяев, Н. А. Опыты по психологии войны и национальности / Н. А. Бердяев. – М. : Мысль, 1990. – 208 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 04.02.2019

Lepeshko B.M. The Role of Personality in History: the Metaphysical Aspect

The role of personality in history as a theoretical problem of the philosophy of history is considered in the article. The thesis that there are some obvious and acceptable criteria for the greatness of certain people in history and that there is a need to comply with the theoretical and practical aspects of this part of thinking are proved on broad philosophical and historical material. The effectiveness of both rational and irrational means of knowledge in the process of historical research and assessments with this factor of personality is discussed in the article.